

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

60

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1955

О. И. СМЕРНОВА

МОНЕТЫ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА

(По материалам раскопок 1953 г.)

В 1953 г. на территории древнего Пянджикента при раскопках объектов III (жилой массив — квартал), VI (крупный строительный комплекс), VIII (жилые постройки пригородного поселения) и IX (жилой дом в северо-восточной части шахристана) найдено 111 монет. Из них 83 согдийских (медных), 22 аббасидских фельса, 4 монеты сасанидского типа (подражание монетам Варахрана V), так называемые монеты Бухархудатов, одна кушанская медная и одна небольшая серебряная (типа монет клада из Тали-барзу).

Список монет

1. Кушаны. Кадфиз I. Æ, диам. 21 мм, вес 764 г (объект VIII).
2. Монета с изображением лучника на оборотной стороне, Æ, диам. 9 мм, вес 0,24 г (объект VIII).
- 3—6. Монеты Бухархудатов, разные, Æ (объекты III, IX).

Монеты ихшидов Согда (литые по типу китайских)

7. Ихшид Согда Шишпир; без обозначения года и места выпуска. Первая половина VII в. Кеш или Самарканд. Æ (объект IX).
- 8—16. Ихшид Согда Вахшуман; без обозначения года и места выпуска. Середина VII в. Самарканд. Æ (объекты III, VIII, IX).
17. Ихшид Согда Тургаг; без обозначения года и места выпуска. Середина VIII в. (после 738 г.). Самарканд. Первый тип. Æ (объект III).
- 18—21. То же. Второй тип. Æ (объекты VI, IX).
- 22—25. Подражания монетам ихшида Согда Гурака (провинциальный чекан?); без обозначения места и года выпуска. Середина VIII в. (?). Æ (объекты III, VIII).
- 26—29. Ихшид Согда Укар (?); без обозначения места и года выпуска. VII—VIII вв. Æ (объекты VI, VIII, IX).

Монеты афшинов Пянджикента (литые по типу китайских)

30. Амōгйāн; Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст., справа от квадратного отверстия знак δ, слева — знак ↑. На обр. ст. надпись в одну строку из трех слв: рпсу М 'у 'm'wky'n. Квадратное центральное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка широкий ободок. Æ, диам. 26 мм, вес 4,34 г; снизу остатки

обрубленного литника (2 мм). Сохранность хорошая (объект III), (рис. 43—1).

31—40. Чтение имени окончательно не установлено. Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст. посередине знак ☩; он занимает все поле монеты; его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия. По краю монетного кружка широкий ободок. На обор. ст. надпись в одну строку из трех слов. Первое слово надписи рнсу;

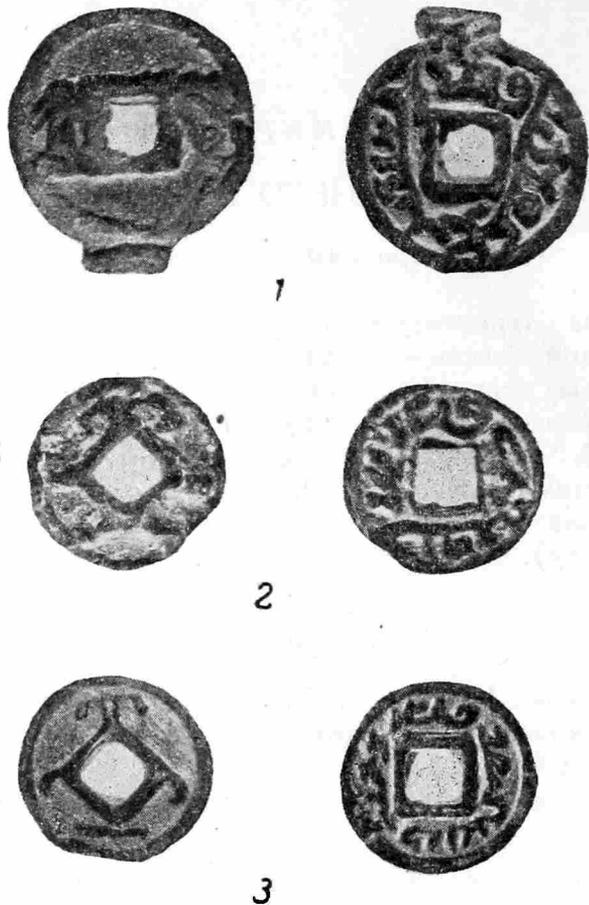

Рис. 43. Монеты афшинов Пянджикента:
1 — Амōгйāн; 2 — неизвестный афшин; 3 — βудуп'.

остальные два не прочитаны. Квадратное отверстие заключено в рамку; по краю монетного кружка широкий ободок. АЕ, диам. 18—22 мм, вес 1,22—1,80 г. Сохранность плохая (объекты III, VI, IX), (рис. 43—2).

41—52. βудуп'. Пянджикент; без обозначения года выпуска. VIII в. На лиц. ст. посередине знак ☩; знак занимает все поле монеты; его центральная часть служит рамкой для квадратного отверстия. По краю монетного кружка широкий ободок. На обор. ст. надпись в одну строку из четырех слов: γωβ рнсу МRу' βудуп'. Квадратное отверстие заключено в рамку; по внешнему краю монетного кружка широкий ободок. АЕ, диам. 18—22 мм, вес 1,15—3,75 г (объекты III, VI, IX), (рис. 43—3).

*Согдийские монеты неизвестных правителей
Согда и государей Усрушаны*

53—54. Монеты, литые по типу китайских. На лиц. ст. знак (династийный))=(; на обор. ст. согдийская надпись из двух слов, АЕ, диам. 18—19 мм, вес 1,3—1,7 г (объекты VI, VIII, IX).

55—58. Монеты, литые по типу китайских. На лиц. ст. надпись; оборотная сторона гладкая без отличий (?). Æ, диам. 17 мм, вес 1,2—1,59 г (объект IX).

59—62. ṭṛḥṇ, без обозначения места и года выпуска. Усрушана (?). VIII в. На лиц. ст. бегущее вправо фантастическое животное; на обор. ст. знак (династийный) ≍ и согдийская надпись. Æ, диам. 20—17 мм, вес 1,33—2,07 г (объекты VI, IX).

63. На лиц. ст. изображение коня, идущего вправо. По краю монеты надпись из двух слов. Надпись стерта. Обратная сторона затерта. Æ, диам. 21 мм, вес 1,84 г (объект III).

64. На лиц. ст. изображение всадника вправо; на обор. ст. знак (династийный) и остатки надписи. Æ, диам. 20 мм, вес 1,61 г (объект IX).

Фельсы, чеканенные при Аббасидах (целые и фрагменты)

65. Самарканд, 143 г. х. Æ, диам. 23 мм, вес 2,9 г (объект IX).

66—71. Самарканд, 144 г. х. Æ, диам. 19—21 мм, вес 2,01—2,71 г (объекты III, VI, VIII).

72—76. Самарканд, год не читается. Æ, диам. 20—22 мм, вес 2,65—2,80 г (объект VIII).

77—79. Бухара, 151 г. х. Æ, диам. 17 мм, вес 1,35—1,50 г (объект VIII).

Помимо монет, обозначенных в списке, во время раскопок было найдено: 11 арабских монет чекана Аббасидов (целых и фрагментов), 16 согдийских монет (целых и фрагментов), более точное определение которых из-за плохой сохранности не может быть дано, и три монетных кружка, принадлежность которых по тем же причинам определена быть не может.

Монетные находки 1953 г. позволили окончательно выделить из общей массы согдийских монет группу монет правителей Пянджикента.

Эта группа представлена тремя различными типами (см. список, № 30—52), объединенными одним общим для всех знаком. На монетах с легендой ṛṇṣṭṭ MR'y 'm'wky'n знак находится справа от квадратного отверстия; слева помещен второй дополнительный знак. Сопроводительная легенда на оборотной стороне монет содержит титул и имя правителя и является пояснительной надписью к знакам. В легенде — три слова. Два первых хорошо известны по документам с горы Муг и по монетам: ṛṇṣṭṭ MR'y — «афшин Пянджи(кента)». Третье слово легенды представляет сложное имя из 'm'wk (*āmōg) плюс компонент y'n (*yān), по типу таких имен, как ṇwšy'n¹, ṛwt'y'n², ṛṇṣṭṭ y'n³. Вся надпись читается: ṛṇṣṭṭ MR'y 'm'wky'n — «афшин Пянджи(кента) Амōгйāн»⁴. Знаки на лицевой стороне, как следует из содержания надписи, являются, таким образом, знаками (гербом) афшина Пянджикента Амōгйāна. До сих пор единственными известными нам согдийскими монетами, на лицевой стороне которых находятся не один, а два знака, были монеты верховных правителей Согда — ихшидов.

На лицевой стороне монет II типа (№ 31—40) помещен вариант правого знака монет I типа. Легенда на оборотной стороне еще полностью не прочитана. Однако ее первое слово ṛṇṣṭṭ — «Пянджи(кентский)», знак на лицевой стороне (вариант знака афшина Амōгйāна) делают бесспорным

¹ Textes Sogdiens. Изд. E. Benveniste. Mission Pelliot, III. Париж, 1940, стр. 8, 173.

² Там же, стр. 8, 184.

³ Там же, стр. 8, 183, 184.

⁴ «Тот, кто пользуется милостью непогрешимого». Затрудняясь разместить легенду и, видимо, не понимая ее текста, резчик штампа перенес начальный знак третьего слова ко второму MR'y 'm'wky'n. Подробнее на этимологии этого имени мы остановимся в другой работе.

принадлежность этих экземпляров к монетным выпускам правителей Пянджикента.

Легенды монет III типа (№ 41—52) содержат титул $\rho\eta\varsigma\upsilon$ MR'y — «афшин Пянджикента» и имя $\beta\upsilon\delta\upsilon\pi$ ¹. На лицевой стороне помещен знак, представляющий вариант правого знака монет афшина Амōгйāна (монеты I типа). Таким образом, на лицевой стороне трех типов монет, легенды которых содержат имена трех афшинов Пянджикента (одно имя не прочитано), помещен один и тот же знак в трех вариантах (рис. 43а).

Аналогичное явление наблюдается в отношении монет ихшидов Согда, на всех типах которых повторяется один и тот же знак (его различные варианты) — династийный (родовой) знак. Отсюда можно заключить, что в знаке (и его вариантах) на исследуемых монетах также следует видеть родовой знак местной (Пянджикентской) правящей династии.

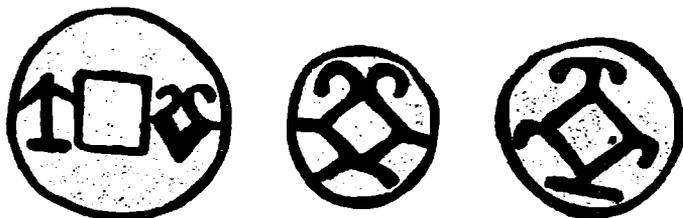

Рис. 43а. Прориси монет.

В каком хронологическом порядке следует располагать монетный материал, нам не известно. Без дополнительных сведений этого сделать нельзя, так как на монетах выпускных данных не помещалось. «Клад», состоящий из монет III типа, учитывая обстоятельства его находки и состав (довольно много монетного брака), так же как и находки множества монет данного типа на остальных объектах раскопок, позволяют с достаточным основанием считать, что группа монет с легендой $\gamma\omega\beta$ $\rho\eta\varsigma\upsilon$ MKy' $\beta\upsilon\delta\upsilon\pi$ ' (тип III) принадлежит к выпускам последнего из афшинов Пянджикента, погибшего (или бежавшего) при катастрофе, приведшей к уничтожению города.

Во второй половине VIII в. в Согде одновременно с согдийскими монетами обращались арабские, выпускаемые наместниками Аббасидов. На городище Пянджикента за 1953 г. найдено 33 фельса. Почти все они очень плохой сохранности, чеканены в Бухаре и Самарканде. Самый ранний по времени фельс, найденный на городище, датирован 143 г. х. (760/61 г. н. э.), самый поздний фельс, — битый в Бухаре — с датой 151 г. х. (768 г. н. э.).

Следовательно, город не был уничтожен во время событий 721/22 г. (восстание Диваштича), как это предполагалось, а продолжал существовать до конца 60-х годов VIII в. (768 г. — дата чекана бухарских фельсов с именем ал-Джунайда, найденных на городище).

Развалины Пянджикента, открываемые раскопками, свидетельствуют о том, что город был внезапно покинут жителями, а затем предан грабежу и разгромлен арабами.

С какими именно событиями арабского завоевания была связана окончательная гибель города, не известно. Во всяком случае эти события должны быть отнесены ко времени не ранее конца 60-х годов. Во второй половине VIII в. произошло крупнейшее восстание местного населения против арабов — движение Муканны. Оно охватило в 70-х годах весь Хорасан и Мавераннахр и закончилось в горах Гиссарского хребта — в верховьях Кашка-Дарьи. По данным Нершахи, в движении Муканны

¹ Тот же тип монет входит в состав клада медных монет, найденного в 1952 г. на объекте II; описание клада см. «Эпиграфика Востока», X.

активное участие принял Согд и его города. Пянджикент по своему значению и традициям и по своему местоположению не мог остаться в стороне от восстания. Последним афшином Пянджикента был βудуп', имя которого прочитано на монетах III типа. Монеты с этим именем были, повидимому, вообще последними, выпущенными в Пянджикенте. Вместе с гибелью древнего города прекращает свою жизнь и его монетный двор. Среди позднейшего нумизматического материала монет чекана Пянджикента нет.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Н. В. ДЬЯКОНОВА, О. И. СМИРНОВА

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ НАНЫ (АНАХИТЫ) В СОГДЕ

Тема культа женского божества плодородия Нана-Анахита в Средней Азии не раз привлекала к себе внимание исследователей. Она затрагивалась в ряде работ как общего порядка, так и специального характера и авторы настоящей статьи ставят себе целью лишь добавить некоторые новые данные и наблюдения, позволяющие уточнить существующие представления о культе этого божества в согдийской среде. Исходным материалом в данном случае послужили надписи на согдийских монетах, найденные на Пенджикентском городище, и открытая археологами на этом же городище стенная роспись зданий.

Среди массы согдийских монет, обнаруженных при раскопках городища древнего Пенджикента, оказалось около 400 бронзовых монет китайского образца (с квадратным отверстием по середине кружка) местного пенджикентского выпуска. Из этого очевидно, что Пенджикент в равнем средневековье являлся центром одного из тех согдийских владений, которые имели свою собственную монету — бронзовую¹. Ареал обращения пенджикентских монет, судя по местам их находок, был узким и ограничивался в основном территорией пенджикентских владений. Еще в 1952 г. при раскопках одного из помещений ограды второго пенджикентского храма археологи открыли клад, состоящий из 129 бронзовых монет, 125 из которых оказались однотипными. Из надписей на них стало известно, что эти 125 экземпляров выпущены в Панче (Pnč-), т. е. в Пенджикенте, от имени владельца Панча, носившего титул $\gamma\omega\beta$ рпсѹ MRŸ' «хваб господин Панча». Вместе с монетами тогда же был обнаружен разбитый горшок, в котором, как надо думать, последние были в свое время припрятаны². По мнению лиц, обнаруживших клад, помещение, в котором он был найден, представляет остатки металлообрабатывающей мастерской³. Если это так, то в этой мастерской могли изготавливаться и монеты и мы имеем, быть может, дело с остатками прихрамового «монетного двора». Предположение тем более вероятное, что 22 из 129 монет клада оказались со значительными дефектами литья и очевидно, что таковые не могли находиться в обращении (монетный брак).

Изучение монетных находок последующих лет выявило еще три типа монет Панча, составляющих вместе с монетами клада одну группу. На всех монетах группы, обнаруживаемых на городище, и на других таких же, хранящихся в разных собраниях, как и на монетах клада, имеются надпи-

¹ Издание монет: О. И. Смирнова. Каталог монет с городища Пенджикент М.—Л., 1963, стр. 92—121; ее же. О двух группах монет согдийских владетелей VII—VIII вв. Изв. ООИ АН Тадж.ССР, 14 (1957), стр. 115 сл.; ее же. Монеты древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 223.

² О. И. Смирнова. Первый клад согдийских монет. Эпиграфика Востока. X, 1955, стр. 3—14.

³ А. М. Белецкий. Общие результаты раскопок древнего Пенджикента. МИА, 66, 1958, стр. 108—109.

сп, из которых следует, что все они были выпущены в пенджикентских владениях.

Эти надписи сделаны на оборотной стороне монет, тогда как на лицевой изображены знаки. На первых по времени монетах панчской группы нанесено по два разных знака справа и слева от центрального квадратного отверстия. Знак справа от квадратного отверстия имеет форму ромба, верхний угол которого расходится в виде двух небольших завитков, тогда как от двух боковых его углов отходят небольшие прямые отростки. На монетах трех остальных типов изображено только по одному знаку, каждый из которых представляет вариант описанного выше, и отличается от него рисунком верхних завитков и боковых отростков и дополнительными разными подставками, форма которых варьирует в зависимости от того, от имени кого она была выпущена (рис. 1, 1—4)⁴. Кроме того на монетах этих трех последних типов знаки занимают все поле монеты и как бы вмонтированы в монетные кружки, составляя единый рисунок с рамкой квадратного отверстия и ободком по краю монеты. Все эти монеты, как нами установлено, выпускались от имени дикхан-владельцев (γωβ) Панча (Пенджикента), носивших титул ρισυ ΜΡΥ' «господин Панча», и от имени его дикханш-владельцев. Новые находки позволили внести в этот вопрос некоторые уточнения.

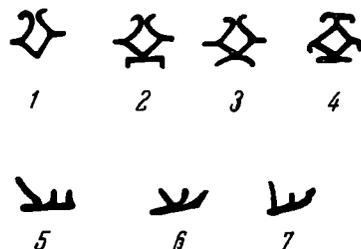

Рис. 1

1—4 — знаки на монетах пенджикентских владений. 5—7 — разные написания начальных букв в титуле на пенджикентских монетах.

Монеты владельцев, как и монеты владельцев, представлены экземплярами двух типов, каждый из которых в свою очередь имеет по два варианта, отличающихся не только расположением и почерком надписей и формой (вариантом) знаков, но и размерами монетных кружков, минимальный диаметр которых 15 мм, тогда как максимальный — 22 мм. На монетах, принадлежащих к типу, наиболее часто встречающемуся, одинаковая для всех надписей состоит из трех отдельных групп знаков, в связи с чем она и была прочтена и соответственно переведена «Панча превосходительная госпожа госпож» (рис. 2, 1, 2). Надписи на монетах, принадлежащих ко второму типу, оказались аналогичными по содержанию, но вместе с тем каждая из них состоит из двух групп знаков, а не из трех (рис. 2, 3, 4). По аналогии с первыми они были прочтены ρισυ "δβ'τρη, что означает «Панча превосходительная госпожа»⁵.

В последнее время в связи с новыми находками таких монет надписи на них пересмотрены и еще раз сличены. Оказалось, что все надписи состоят из двух слов, второе из которых представляет своего рода композит, и только на более поздних по времени экземплярах эту надпись, искажив ее, стали писать в три слова. Последнее легко объясняется тем, что изготовитель форм, не понимавший содержания надписи, воспроизводил ее чисто механически, следя лишь за ее внешним рисунком, надо сказать весьма изящным. Таким путем удалось установить, что два последних слова на пенджикентских монетах (второе и третье), прочтенные нами "δβ'τρη «превосходительная госпожа» и "δρρηη «превосходительная госпожа госпож», по сути дела представляет одно сложное слово (имя-титул), оказавшееся неправильно разделенным. Анализ знаков надписей весьма большого количества монет этого типа, имеющихся в настоящее время в нашем распоряжении, убеждает, что на всех таких монетах два первых знака этого слова графически ближе к согд. п, чем к согд. ' так как не имеют характерного для последнего изгиба влево (рис. 1, 5—7). Кроме того на большинстве монет второго типа четвертый знак той же надписи

⁴ Варианты знаков см. О. И. Смирнова. Каталог..., стр. 16—17 (таблица).

⁵ Там же, стр. 13, 14.

не имеет плавного изгиба тулова, свойственного согд. р, и ближе по рисунку к согд. β. Соответственно этим поправкам, надписи на наших монетах следует читать рпсу пп-δβ' (пп + δβ'mрnh) «Панча Нана-Госпожа» и рпсу пп-δβрпwh (пп + δβрпwh) с таким же общим значением имени и титула, как первые. Предлагаемое новое чтение и истолкование надписей на панчских монетах нашло себе неожиданное подтверждение в согдийской литературе.

Рис. 2. Монеты пенджикентских правительниц
1, 2 — тип I; 3, 4 — тип II

В одном из изданных В. Б. Хеннингом согдо-манихейских текстов, от которого к сожалению сохранился лишь отрывок без начала и конца, упоминается некая пп-δβ'mрnh, имя которой В. Б. Хеннинг поясняет как «The Lady Nana (i)»⁶. Опубликованный им отрывок представляет образец манихейской литературы на мифологические сюжеты, столь излюбленные в то время. В отрывке рассказывается о падении города, называемого Zimat, осажденного врагами. По мнению издателя текста В. Б. Хеннинга, в манихейском тексте речь идет о городе, название которого упоминается у китайского паломника Сюань Цзяна, а позже у арабского географа Ибн-Хордадбеха (الريمان, искаженное *الريمان?), помещавшим его к юго-западу от Балха. Что же касается имени пп-δβ'mрnh «Нана-Госпожа», упомянутого в отрывке, то по мнению того же Хеннинга, это имя богини Анахиты «the goddess Nana (i)», обычным эпитетом которой, судя по западно-иранской литературе, было banuk⁷, позднее персидское banu. Этому последнему в манихейском отрывке соответствует согд. δβ'mрnh «госпожа», тот же титул, что и в одном из вариантов надписи на монетах. Второй из титулов на монетах δβрпwh представляет, возможно, диалектальную форму согд. δβ'mрnh стоящую ближе, чем последняя к персидскому bānūk (= δβрпwh?). Тогда совершенно очевидно, что имя-титул пп-δβ'mрnh, вариант пп δβрпwh на монетах то же самое имя, которое упоминается в манихейском отрывке как имя богини Нана-Анахиты. Вместе с тем известно, что женский титул (δ)β'mрnh (второй компонент нашего имени) в согдийском языке был парным титулом к мужскому γωβ-; титул же γωβ- засвидетельствован в качестве одного из титулов владельцев Панча равно на монетах и в мугских документах. В последних он является в ча-

⁶ W. B. Henning. The Murder of the Magi. JRAS, 1944, стр. 133—144 (рукопись 459).

⁷ В. Б. Хеннинг, характеризуя издаваемый им согдийский отрывок, пишет: «Its purport is not very clear, but it seems to be concerned with some heathenish practices. The lady Nana (or Nan), in the line 20 at the fragment, may be the Goddess Nana (i). The town (?) of Zimat reminds one of Huan-ts'ang's Zuei-mei-to (iwai-muāt-d'ā), Ibn Khurdadbeh's الريمان to the south-west of Balkh». О титуле bānūk (δβ'mрnh) см. W. B. Henning. Sogdica. London, 1940, стр. 7. BSOS XII, 1948, 603, note 1.

стности титулом хорошо всем сейчас известного пенджикентского князя, а позднее царя Согда — Деваштича.

Следовательно надписи на монетах можно толковать по-разному. Во-первых как имя-титул супруги пенджикентского владетеля (т. е. так, как они и толковались до сих пор) «Панча госпожа Нана(й)» и в таком случае надписи $\text{pn}\delta\beta' \text{m} \text{p} \text{h}$ и $\text{pn}\delta\beta \text{p} \text{r} \text{w} \text{h}$ на монетах являются титулами и тронными именами, или просто сложными титулами владельниц Панча.

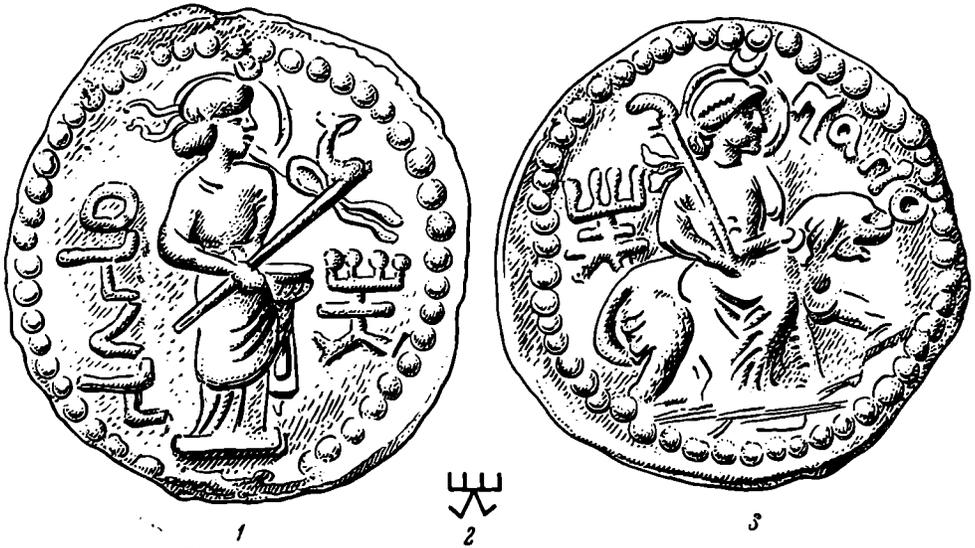

Рис. 3.

1, 3 — кушанские монеты с изображением богини и надписью «Нана»; 2 — кушанский знак на согдийских монетах

Во-вторых, та же надпись может быть истолкована как «Панча (богиня) Нана-госпожа». В этом втором случае должен последовать и вывод о том, что в Панче (Пенджикенте) в какой-то период времени выпускались монеты (бронзовые) с надписями в честь почитаемого в данном городе божества — богини Нана-Анахиты. Второе толкование надписи на монетах, как содержащих имя божества, находит себе почти полную аналогию в хорошо известных надписях на кушанских монетах, выпускавшихся царями, на реверсе которых иногда имеется изображение женского божества, а рядом с ним (по краю монеты) надпись $\text{na} \text{no}$ и знак⁸, обычно именуемый исследователями кушанским (рис. 3, 1, 3). В этой связи отметим еще и то, что на нескольких согдийских монетах другой группы, кроме обычных свойственных им знаков, помещается изображение вышеупомянутого знака (рис. 3, 2)⁹. Если высказанное положение подтвердится, то последует и вывод о том, что Средняя Азия раннего средневековья продолжает кушанскую и грекобактрийскую традицию помещать на монетах имя божества-покровителя.

Независимо от того, имя ли это богини Нана-Анахиты, теофорное ли имя цариц или их титул, надписи на монетах свидетельствуют о почитании этой богини в Согде, в частности в Пенджикенте. Имя Нана или Нанай принадлежит богине иранского происхождения, образ которой, как полагают, в Иране и Средней Азии слился с образом иранской богини Анахиты. Имя Анахиты, как известно, в свою очередь восходит к эпитету иранской богини плодородия Арадависуры-Анахиты и значит «Незапятнанная». В согдийской ономастике широко распространено первое из них — Нана(й),

⁸ К. В. Тревер. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II (1), М.—Л., 1958, стр. 136, 137 (там же см. воспроизведения монет).

⁹ Монеты еще не опубликованы; одна такая монета обнаружена на пенджикентском городище, вторая принадлежит Ташкентскому историческому музею.

сохранившееся и по сей день в таджикском языке, в котором она значит «мать», «матушка», тогда как второе — Анахита в составе согдийских имен вообще не засвидетельствовано. Достаточно будет напомнить о местных согдийских именах, встречающихся в мугских документах, именах сложных с компонентом *np- *nap(a)* и производных от последнего, таких как *npurpn ** (В 8, стк. 1) «Обладающий фарном Нана» и, возможно, *p'nc* «относящийся к Нана» (?) (Nov. 4, стк. 13)¹⁰. Такого же порядка имена засвидетельствованы в согдийских старых письмах (IV в.), как по *npudβ'g*, «Дарованный Нана» *npud't* и *npudntk* «раб Нана»¹¹, а также в других согдийских текстах, например в манихейском списке имен собственных¹². Что касается второго имени Анахиты, то его форма, засвидетельствованная в согдийских текстах (*p'yud*), указывает на то, что оно было заимствовано здесь из западно-иранского и, следовательно, не свойственно согдийской среде¹³. Эти, правда, ограниченные известия позволяют все же утверждать, что женское божество Нана-Анахита в Средней Азии и, в частности, в Согде было известно главным образом под иранским именем Нана (согд. *np-*). Естественно также предположить, что культ его, судя по этим скудным данным, был распространен в Согде не только как общий культ, но существовали центры особого почитания этого божества, считавшегося в таком случае покровителем города. Тогда делаются понятными надписи как на кушанских монетах, так и на согдийских, содержащих имя Нана и других божеств определенного пантеона, в частности Ормузда, известного, как можно думать, в Средней Азии под своим эпитетом Фарнбаг (согд. *prpβy-*), засвидетельствованном в свою очередь в названии одного из священных огней сасанидского Ирана (*Abur-Farḡbaγ*), храм которого стоял в Балхе. Можно предположить также, что в этих городах стояли храмы, посвященные соответствующим божествам, в том числе интересующей нас Нана (Анахите) и имелись их изображения¹⁴. Хеннинг предполагает, что храм, посвященный богине Нана, имелся у согдийцев, живших в Дун-хуане¹⁵. Об его жреце *βurpt-e*, дословно «главе (*pt-*) храма (*βur-*)» упоминает молодая согдианка в письме к своей матери в Самарканд. Главу храма *βurpt-a*, по имени *Kwtšy* «Слепец (?)», вместе с другим человеком, судя по имени *Nuzytk* «Свирепый», воином, в 720 или 721 г. отправил послом к царю Согда Деваштичу арабский эмир Абдаррахман¹⁶. Главой какго храма был жрец *Kwtšy* мы не знаем. Храмы, именуемые согдийцами *βur-*ами, стояли во многих местах Согда, о чем мы можем судить по топонимике последнего, сохранившей нам ряд названий, компонентом которых является согдийское *βur-* «храм». Храм *βur-*, посвященный Анахите «*uzn npustwkn*», по мнению В. А. Лившица, упоминается в парфянских текстах из Нисы¹⁷.

Теперь вернемся к Нана-Анахите, ее образу.

¹⁰ Согдийские документы с горы Муг. II, М., 1962, стр. 44, 53.

¹¹ H. Reichelt. Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museum. I. Heidelberg, 1931, письма II и III.

¹² W. B. Henning. Sogdica, стр. 7.

¹³ I. Gerschevitch. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954, § 269.

¹⁴ Существует предположение, что на кушанских монетах изображены именно такие культовые статуи. О культовых статуях (*but*), стоявших в храмах и на городских площадях, сообщает ряд арабских и персидских географов и историков. Напомню также об одном из согдийских текстов из Восточного Туркестана, изданных Ханнингом, в котором рассказывается о храмах (согд. *βur'*) и стоящих в них серебряных и медных идолах, инкрустированных драгоценными камнями (BSOS, XI 1945 (3), стр. 473, 474).

¹⁵ BSOS, XII, 1948, стр. 602.

¹⁶ М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова. Согдийские документы 1.1 и 36А 14 Мугской коллекции. ВЛУ, 20, 1963, стр. 115 (док. 1. 1, стк. 3, 12, 14, 17). Согдийские документы с горы Муг. II, стр. III (док. 1. 1, стк. 4, 13, 15, 18).

¹⁷ В настоящее время иранисты приняли чтение и интерпретацию надписей, предложенные О. И. Смирновой. W. B. Henning. A Sogdian God; BSOS, XXVIII, 2, 1965, стр. 252, прим. 68; в статье В. Б. Хеннинга также приводится цитированный нами в настоящей статье отрывок манихейского текста, см. там же, стр. 252, прим. 67.

Рис. 4. «Хорезмийская Анахита»

1 — серебряное блюдо, Британский музей; 2—4 — из коллекций Советского Союза; 5, 6 — оттиски на комьях глины из Тешик-кала

Внешний облик богини Анахиты довольно подробно описывается в известном месте Абан-яшта Авесты. Это прекрасная женщина, молодая, статная, весьма сильная, одетая в царскую одежду¹⁸. Именно такой представляют ее памятники позднесасанидского искусства Ирана, и обычно толкуемые как ее изображения терракотовые статуэтки-идольчики, находимые в слоях II—VI вв. н. э. на территории Средней Азии. Иконографии Анахиты-Нана кушано-эфталитского времени на средне- и центрально-азиатской

¹⁸ I. Darmsteter. La Zend-Avesta. II, 1893, стр. 126—129.

почве посвящена специальная статья К. В. Тревер¹⁹, где между прочим указывается на существование «Различных культовых обликов» этой богини. Среди этих обликов встречается ее изображение со зверем, обычно львом или барсом, на котором она едет или сидит как на своего рода зооморфном престоле²⁰.

Уже в самом начале вскрытия стенных росписей Пенджикента были обнаружены изображения божества, восседающего на престоле в виде льва²¹. Несмотря на очень плохое состояние живописи, полностью осыпавшейся на верхней части стены, сохранившиеся внизу части (плечо, лапы, хвост зверя и ноги сидевшего на нем персонажа) не могли не вызвать непосредственной ассоциации этих сюжетов с изображениями на группе серебряных чаш, определенных С. П. Толстовым как хорезмские²². Дно этих чаш украшает фигура богини в венце и царственном одеянии (рис. 4, 1—4), сидящей на спине хищника²³.

Иконография богини на хорезмийских чашах имеет любопытную особенность — у богини четыре руки. Одна пара рук держит на поднятых вровень с головой ладонях символы солнца и луны, две других руки у колен или перед грудью — чашу и жезл. Бытование подобной иконографии в Хорезме убедительно подтверждается находкой в Ташик-Кала нескольких вариантов изображений (рис. 4, 5, 6) четырехрукого божества, отиснутых на глине. С. П. Толстов приходит к заключению, что «Богиня в короне с символами солнца и луны, попирающая льва или леопарда, — самый популярный образ в хорезмийском пантеоне». «Мы вряд ли ошибемся, — пишет он далее, — если увидим в этой богине уже знакомую нам хорезмийскую Анахиту, прошедшую путь синкретизации с божествами индубуддийского круга»²⁴. Мысль, что четырехрукая богиня является одной из ипостасей Анахиты, представляется нам правильной, однако достаточно обширный изобразительный материал, которым мы располагаем в настоящее время, свидетельствует о значительно более широком ареале распространения культа четырехрукой богини, не ограничивающимся Хорезмом, но захватывающим, во всяком случае, и Согд и Восточный Туркестан²⁵. Это божество всегда связано с плодородием животного и растительного мира и с материнством. Оно олицетворяет именно те самые силы, что и богиня, носившая в Иране имя Анахиты, а в Согде — Нана.

Как упоминалось выше, сопоставление некоторых персонажей пенджикентских росписей с изображениями на хорезмийских серебряных чашах были сделаны уже в первой публикации этих замечательных памятников²⁶. Четырехрукая богиня является одним из главных действующих лиц большой многофигурной композиции на стене храма (II объект, стена В), вошедшей в литературу под названием «Сцены оплакивания». Персонажи, восседающие на зооморфных престолах (лежащий лев), занимают центральные места в живописном убранстве двух парадных зал (III объект, 7 помещ. и IV объект, 1 помещ. (рис. 5, 1).

Раскопки 1954 г. дали остатки еще одного изображения прекрасной, одетой в богатые царские одежды женщины (объект VI, помещ. 26). На

¹⁹ К. В. Тревер: Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан). Тр. ГЭ, II (1), стр. 130—146.

²⁰ Там же, стр. 137.

²¹ М. М. Дьяконов. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента». М., 1954, стр. 139.

²² С. П. Толстой. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 192—194.

²³ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 116, 119.

²⁴ С. П. Толстой. Ук. соч., стр. 200—201.

²⁵ Н. В. Дьяконова. Материалы по культовой иконографии Центральной Азии домусульманского периода. Тр. ГЭ, V (6), Л., 1961, стр. 266—268; 271.

²⁶ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 112; 115—116; 139 (табл. XIX; XXVI, XXVII, XXVIII, XXXII); А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М., 1959, стр. 21, 22; табл. XX—XXXII.

ладонях, поднятых вровень с головой рук, она держит эмблемы солнца и луны²⁷ (рис. 5, 2). Живопись сильно осыпалась, и более или менее отчетливо можно разглядеть только верхнюю пару рук; имеются ли у этого божества вторые, нижние руки, с уверенностью сказать нельзя. Однако такое предположение подсказывает находящийся около его правого плеча желтый с красными контурами предмет (обычная условная передача золота), похожий на жезл, который богиня должна в таком случае держать

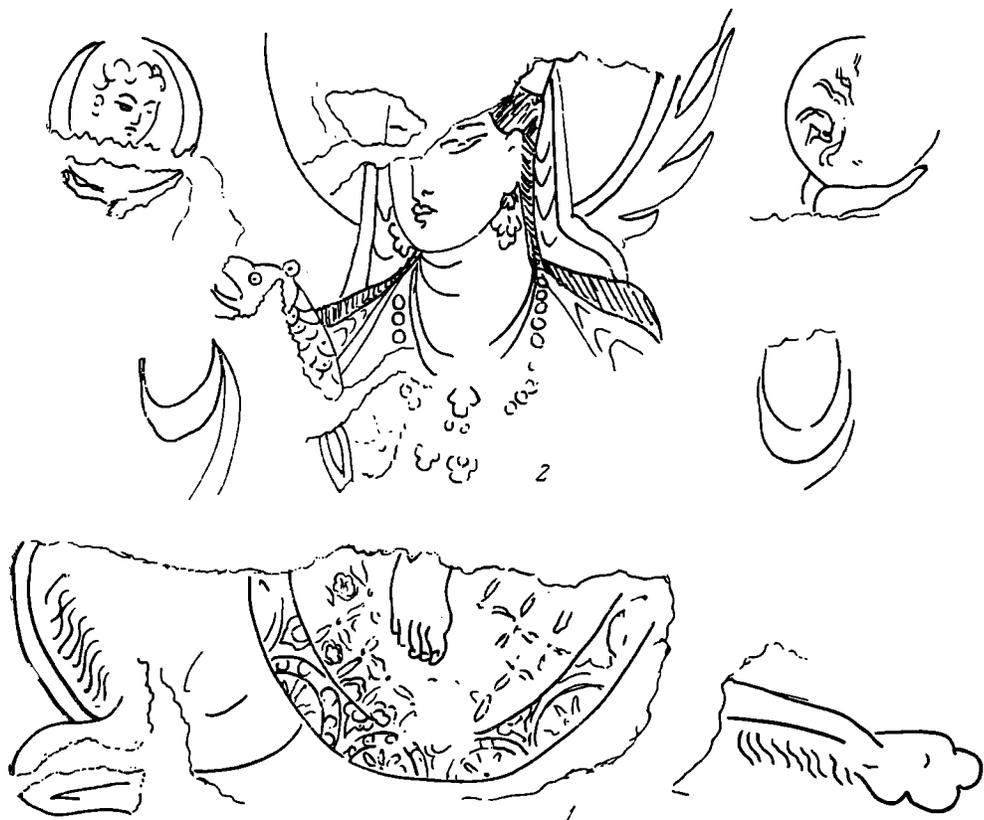

Рис. 5. Стенные росписи из Пенджикента

1 — божество, сидящее на льве (объект III, помещение 7); 2 — богиня, держащая солнце и луну (объект VI, помещение 26, южная стена)

нижней правой рукой. Во всяком случае сходство пенджикентской богини, несущей солнце и луну, с упомянутым образом четырехрукой богини несомненно. На это обращает внимание и опубликовавший роспись А. М. Беленицкий.

По-видимому, следует полагать, что те же эмблемы и атрибуты находились в руках четырехрукой богини в «Сцене оплакивания». Уточнить эти предположения невозможно, так как на сильно поврежденной фреске видны лишь две правые руки — нижняя, несущая как будто бы сосуд, другая, поднятая кверху, сохранилась только до середины предплечья; кисть с находившимся в ней предметом утрачена. Если те из упомянутых пенджикентских изображений богини на льве и богини, держащей диски светил, истолковываются довольно просто, как парадное, священное (занимают центральное место в росписях) изображение наиболее почитаемой богини (или одного из наиболее почитаемых божеств) города в парадных, предназначенных для торжественных случаев, помещениях, то роль четырехрукой богини в «сцене оплакивания» (рис. 6) во многом продолжает быть загадочной.

²⁷ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов. Сб.: «Живопись древнего Пенджикента», стр. 76—77.

С первого же момента открытия этого памятника предлагались разные его толкования: то как сцены оплакивания, отражающей манихейский заупокойный обряд²⁸, то как сцены погребения Сиявуша²⁹. В свое время нами было предложено рассматривать эту роспись как иллюстрацию эпизода из героического эпоса, изображающую осаду и падение замка и оплакивание героя. Хотя тогда нас интересовало не столько раскрытие сюжета самого по себе, сколько установление здесь наличия определенных изобразительных традиций³⁰.

Рис. 6. Стенная роспись из Пенджикента. «Сцена оплакивания» — группа божеств, среди них четырехрукая богиня (объект II, простенок В)

Однако присутствие в этой загадочной сцене четырехрукой богини, которую мы можем теперь с большой долей уверенности назвать Нана, заставляет предположить существование более древнего мифологического пласта, лежащего в основе изображенной легенды круга Анахита-Нана. Тогда «Сцену оплакивания» можно рассматривать как иллюстрацию именно этого предания, отрывок из которого представляет упомянутый выше и изданный В. Б. Хеннингом текст: «...и было там кровопролитие, терзали лица, резали уши. Нан(а)-Госпожа, сопровождаемая своими женщинами,

²⁸ А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пенджикента по материалам Таджикско-согдийской экспедиции 1948—1949 гг. ИАН ОИФ, VII, 5, 1950, стр. 256.

²⁹ М. М. Дьяконов. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. КСИИМК, XL, 1951.

³⁰ Н. Дьяконова, О. Смирнова. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960.

шла к мосту. Они разбивали сосуды, громко вопили, стонали, резали лица, рвали волосы и бросались на землю». Фрагментарный контекст документа, в начале которого говорится о творениях Ормузда и Ахримана, заставляет все же полагать, что Нана-Госпожа в данном случае богиня. Такова мысль Хеннинга.

Если согласиться со всем вышеизложенным, то можно предположить, что в Пенджикенте одним из господствующих, а быть может и главным, был культ Нана-богини матери, являвшейся в таком случае покровительницей города, культу которой посвящались храмы, изображениями которой украшали помещения, предназначенные для торжеств и отправления обрядов. Ряд приведенных выше данных позволяет думать, что Нана почиталась здесь в той ипостаси, которая засвидетельствована в V—VIII вв. на весьма широкой территории Средней и Центральной Азии, т. е. в образе царственной женщины с четырьмя руками, восседающей на спине хищного зверя. По-видимому, в Пенджикенте, как и в других местах, существовали разные иконы этого весьма популярного божества, сохранившегося, как правило, важнейшие атрибуты и признаки его образа. Так, возможно, какой-то другой ипостасью Нана-Анахиты являются опубликованные Б. И. Маршаком терракотовые рельефные иконки, найденные им на XII объекте того же пенджикентского городища. Эти иконки изображают женщину в пышной одежде и венце, с лапами хищного зверя вместо ног — соединение воедино божества и посвященного ему зверя. Значительное количество разномасштабных изображений подобного рода, обнаруженных при раскопках, свидетельствуют об их распространенности и популярности культа изображенного божества. Весьма вероятно кажется и предположение Б. И. Маршака о том, что эти миниатюрные идолчики — копии культовой статуи, находившейся в Пенджикенте³¹.

Считая вполне вероятным существование в предисламском Согде, и в частности в Пенджикенте, нескольких иконографических типов изображения Нана, полагаем, что представленный рядом памятников монументальной живописи Пенджикента образ четырехрукой богини, восседающей на льве и держащей в поднятых руках диски небесных светил, — является именно той ипостасью Нана, в которой она почиталась как верховная богиня, «великая мать», покровительница города.

Вполне понятной представляется и несомненная связь этой иконографии с образами индийского, точнее шиваитского (а не буддийского) пантеона. Значительное влияние индийского искусства на Среднюю Азию засвидетельствовано многократными и многообразными примерами. Это влияние, ставшее очень заметным в кушано-эфталитское время, продолжается, а может быть становится еще более отчетливым в VII—VIII вв. Достаточно вспомнить «Красный зал» в Варахше³². В Пенджикенте подобные индийские реминисценции, пожалуй, еще более выразительны и в некоторых случаях представляются прямыми копиями индийских оригиналов. Таковы к примеру деревянные кариатиды в одном из помещений III объекта и другие³³. В ряде случаев здесь имеет место заимствование изобразительных форм, пригодных для воплощения в них своего мифологического или культового образа. Таким сложившимся на индийской и доработанным на центральноазиатской почве (в кушанском искусстве Афганистана и Кашгарии) образом была иконография четырехрукой Великой богини Матери, называвшейся в разных местах то Дургой, то Анахитой, а в Средней Азии, в частности в Согде носившей иранское имя Нана (й); последнее по сей день сохранилось в таджикском языке и вошло в узбекский и означает сегодня «мать», «матушка».

³¹ Б. И. Маршак. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. МИА, 124, 1964, стр. 238—240.

³² В. А. Ш и ш к и н. Варахша. М., 1963, стр. 152—158, табл. I—XI.

³³ Сб.: «Скульптура и живопись древнего Пенджикента», табл. IX—X, XI—XLII.